

УДК 82 (091)

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ЗАГЛАВИЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА

Реферат. В статье прослеживается эволюция чеховских заглавий от выражающих характер единичных явлений, к заглавиям, наделенным обобщающей образностью, и, наконец, к заглавиям-символам. Эволюция заглавий, по мнению автора, отражает общее расширение и углубление чеховской концепции жизни.

Ключевые слова: заглавие, поэтика, художественный метод, эволюция.

В связи с анализом конкретных произведений А. П. Чехова, заглавия их (особенно идейно-эстетическая многозначность названий зрелых произведений художника) не раз привлекали внимание литературоведов (работы В. Ермилова, З. Паперного, К. Чуковского, М. Семановой, А. Чудакова, Г. Бердникова, В. Катаева и др.). Однако вопрос о закономерностях смены принципов в подборе заглавий не был еще предметом специального исследования. Между тем вопрос этот представляется интересным для осмысления одной из форм выражения эволюции творческого метода писателя.

Художественное постижение жизни Чехов начинает с исследования ее простых и разнообразных внешних проявлений, что обусловило и своеобразие характера заглавий чеховских произведений начала 80-х годов, принципы подбора которых отличаются пестротой. Названия носят в основном эмпирический характер. Среди этой пестроты можно выделить наиболее характерные типы заглавий.

1. Пародийные. Заглавия этого типа несут ироническое переосмысление определенного стиля-шаблона (“Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. д.”); стиля определенного писателя, часто с указанием его имени («Летающие острова. Сочинения Жюль Верна»); определенного литературного жанра. (Так, маленький рассказ водевильного характера «Брак по расчету» имеет подзаголовок «Роман в 2-х частях» – значительность названного жанра противостоит мелочности изображаемой жизни).

В большинстве случаев предметом осмеяния является не пародируемый образец, а ничтожество, пошлость современной жизни, для которой слишком значительными и высокими оказываются жанровые и стилевые формы классических образцов. Скрытая пародия звучит, например, в заглавии «Невидимые миру слезы». Высокий стиль лирического отступления в «Мертвых душах» Гоголя, откуда взято заглавие, вступает в комическое противоречие со скрывающимся за ним заурядным прозаическим содержанием (за видимостью взаимного супружеского согласия и нежности – невидимые окружающим скандалы, дразги).

2. Анекдотичные, равные не выходящему за пределы анекдота содержанию, предлагающие рассказ о забавном происшествии: «С женой поссорился», «Мсть женщины», «Свадьба с генералом», «Свидание хотя и не состоялось, но...», «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймешь», «Теща-адвокат». Комизм заглавий подобного типа часто возникает в результате сочетания на равных началах слов разных стилевых пластов: так солидное, официальное “адвокат” выявляет присущий анекдоту комизм житейски-обиходного слова “теща”. Другой способ создания комического эффекта: авторская насмешка выражается в самой интонации заглавия, имитирующей расхожие представления, образ мысли и склад речи обывателя: “В наш практический век, когда...”.

Заглавие подобного типа нередко целиком вмещает незатейливое, однолинейное содержание, как бы являясь его конспективным изложением: «Депутат или повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало», «О том, как я в законный брак вступил».

3. Очерковые, не претендующие на обобщения, обещающие небольшую зарисовку с натуры: «В вагоне», «В почтовом отделении», «В море», «На охоте», «На магнетическом сеансе» и т. д. Непритязательный репортерский характер рассказа часто подчеркивается подзаголовком: “случай”, “сценка”, “путевой набросок”, “новогодняя побрехушка”.

4. Заглавия парадоксальные, иронический смысл которых возникает из противопоставления их характера общему смыслу произведений: «Загадочная натура» – о ничтожной пустой женщине, претендующей на сложность и значительность натуры; «Гордый человек» – об отсутствии чувства чести, человеческого достоинства; «Рыцари без страха и упрека» – об отсутствии простой порядочности, неразборчивости в средствах создания материальных благ.

Во всех этих случаях заглавия и содержание относятся к разным, несопоставимым рядам. Уже в самом названии отражается спор с привычным, банальным, доктринерским отношением к жизни, представление о ее парадоксальности, нелепости.

5. Заглавия, несущие прямую авторскую оценку изображаемого: «Размазня», «Идиллия – увы и ах!», «Либеральный душка»; «Баран и барышня». Эпизодик из жизни «Милостивых государей» (уничжительный смысл несут не только семантика слова, но и уменьшительный суффикс, кавычки).

Близки к этому типу заглавия (их немного), отражающие сам способ повествования: «Кухарка женится» (явно, что сюжет организует точка зрения ребенка), «Каникулярные работы институтки Наденьки IV», «Два письма».

6. Заглавия, отражающие способ типизации характеров и явлений по определенному конкретному признаку: социальному, профессиональному, групповому. Звучание их может быть нейтральным («Барыня», «Вор», «Начальник станции «Опекун») и окрашенным иронией – «Толстый и тонкий». Комично уже то, что люди определяются по такому несущественному признаку, как полнота фигуры, но авторская ирония в том и заключается, что этот признак свидетельствует о месте человека на социальной лестнице, от которого зависят его поступки и самоощущение.

В заглавии рассказа «Смерть чиновника» между словом, имеющим философское, общечеловеческое содержание, во-

площающим субстанциональные основы бытия – “смерть” – словом узкоспециального характера – “чиновника” – возникает своего рода проблемная ситуация: не общее включает в себя частное, снимает внешние отличия, а социальное, профессиональное оказывается определяющим, вбирающим в себя все прочие понятия, в том числе самые глобальные. Человек в рисуемом автором ненормальном мире равен своему чину: он живет и умирает по законам, строго регламентированным для каждой ступени социальной лестницы.

Большинство названий произведений этого периода носят характер единичного, конкретного, звучат в будничной житейской интонации, подчеркивая, что речь пойдет о тех “житейских мелочах”, из которых и состоит изображаемая автором жизнь.

Наряду с этими, наиболее характерными типами заглавий, в творчестве молодого Чехова появляются названия более широкого, обобщенно-психологического характера (но их удельный вес еще очень невелик): «Он и она» (1882 г.) – о тайнах психологии, связывающих двух очень разных людей. «Осень» (1883 г.) – тонкое психологическое исследование с “осенним настроением и тоской по весне”.

Некоторые типы заглавий (пародийные, анекдотичные, откровенно насмешливые) почти исчезают на протяжении дальнейшего творческого пути писателя, другие наполняются более глубоким содержанием: «Унтер Пришибеев» (1885 г.) – не просто типизация характера определенной социальной категории, но и глубокое обобщение сущности нерассуждающего исполнителя велений принудительно-усмирительной бюрократической машины. Смысловое поле заглавия расширяется за счет взаимодействия семантических оттенков слов, обозначающих чин и фамилию (чин низший, но уже командный, фамилия – от “пришибать”, “быть пришибленным”).

С середины 80-х годов наряду с заглавиями некоторых разобранных выше типов преобладающее место начинают занимать названия, характер которых свидетельствует об изменении принципов типизации и способов выражения авторской оценки явлений жизни. Место заглавий локализованных, рисующих случай, индивидуальное явление, занимают заглавия обобщенного типа: «Рассказ госпожи NN» (1887 г.) – т. е. рас-

сказ любой женщины о самом обычном, всеобщем – о том, что была юность, любовь, красота, надежда, и вот – “пропала жизнь”, потому что люди слишком робки, вялы, ленивы и мнительны, не умеют противостоять тому внешнему, не сущностному, что убивает прекрасную и простую суть человеческой жизни.

Заглавия произведений второй половины 80-х годов свидетельствуют об углублении искусства Чехова, об усилении интереса писателя к субстанциональным проблемам человеческого бытия. «Счастье», «Мечты», «Любовь», «Поцелуй», «Красавицы», «Несчастье», «Скука жизни» – названия произведений 1886-1888 гг., намечающих одну из ведущих мыслей зрелого Чехова о том, что жизнь прекрасна в своих первоосновах, но “скучна, убога, бесцельна” в явлениях.

Усложняется связь между заглавием и содержанием: «Житейская мелочь» (1886 г.) – это ложь, предательство, бездушие, убивающие доверие ребенка к миру и людям. Заглавия теряют шуточный характер, включают в себя сатирический, драматический, лирический оттенки. Зачастую в соответствии с общими принципами чеховской поэтики – недосказанностью, сдержанностью, объективностью – заглавия отражают не все содержание, но лишь внешний сюжет. «Тиф» (1887 г.) – содержание рассказа отнюдь не исчерпывается мастерским описанием болезни и затем выздоровления. Глубинный смысл рассказа – мысль о красоте и радости, заключенных в простейших явлениях нормальной, обычной жизни, но доступных человеку лишь в краткие мгновения, когда чувства его не задавлены ворохом искаженных и огрубленных житейских представлений.

«Учитель словесности» (1894 г.). Заглавие столь же локализовано, конкретно, как отмеченные в раннем периоде «Барыня», «Опекун», «Комик», «Трагик» и т. д., но содержание более широкое, общечеловеческое: пошлость, незаметно опутывающая человека, лишаящая его перспективы, духовных порывов и в то же время желание разорвать сковывающие пути.

С другой стороны, в характере заглавий зрелых произведений Чехова отражается насыщение их лирическим подтекстом, заглавия становятся все более амбивалентными, многослойными, включают в себя и движение времени («Три года»), и звучание подтекста, ощущение перспективы («Степень», «Огни»).

Одновременно с расширением смыслового поля заглавия, углублением и усложнением связи между заглавием и содержанием исчезает прежняя пестрота принципов их подбора, усиливается их образное начало. Заглавия 1890-х-1900-х гг., включая художественный образ, приобретают метафорический характер, что придает им особую художественную емкость («Анна на шее», «Человек в футляре», «Палата № 6», «Дуэль»).

Эти произведения и их заглавия достаточно исследованы в критической литературе о Чехове, потому остановимся лишь на одном, менее привлекавшем внимание критики заглавии, – «Анна на шее» (1895 г.). Метафора заглавия включает в себя несколько уровней обобщения: 1. Орден, о котором мечтает пожилой чиновник. 2. Жена, которая может стать обузой на шее мужа.

Анекдотическую историю на эту тему, случившуюся с его знакомым, рассказывает Модест Алексеич своей молодой жене, будучи самодовольно уверен, что при его солидности и положении он никогда не окажется в подобной ситуации.

Анекдот обретает реальность – муж именно в этом положении и оказывается и принимает его не только без сопротивления, но и с подобострастием.

Анекдотичность ситуации усугубляется: орден он получил не за личные заслуги, а прежде всего потому, что его жена нравится сильным мира сего.

За этим частным анекдотом скрывается глубинный смысл – общий парадокс жизни, высшей ценностью которой является официальное отличие, той жизни, где человечность и доброта убиваются то бедностью и нуждой, то общим ненормальным строем человеческих отношений, а красота, женственность, обаяние, юность растрачиваются в бессмысленной и мелкой суете.

Параллельно с метафорическими в поздних произведениях Чехова появляются заглавия, которые можно определить, воспользовавшись термином В. Катаева, как импрессионистические: [1, с. 301] «Дом с мезонином» (1896 г.), «Дамас собачкой» (1899 г.). В этих заглавиях есть своеобразная живописность, передающая общее художественное впечатление; есть некая недосказанность, поэтическая размытость, лирическое настроение. Столь же поэтически многозначно и содержание рассказов.

«Дом с мезонином». В заглавии заключен образ, несущий представление о чем-то трогательном и старинном, милом и наивном. Образная живописность и лирическая тональность заглавия в ходе развития сюжета постепенно насыщаются глубоким, проблемным содержанием. Грустное очарование дряхлеющей, но по-своему трогательной старины, которой пронизаны первые страницы рассказа (сумрачная красота глухой еловой аллеи; «запустение и старость» липовой; печальный шелест прошлогодней листвы под ногами; старый фруктовый сад, где слабым голосом нехотя пела иволга, «должно быть тоже старушка»; белый дом с террасой и мезонином; у белых каменных ворот со львами две «красивых девушки»), сливается с поэзией юности и чистоты, с атмосферой, окружающей Мисюсю и «дом, в котором она жила, милый, наивный, старый дом, который, казалось, окнами своего мезонина глядел», как глядит она своими большими, широко распахнутыми глазами. Зеленый свет лампы в окнах старого дома так гармонирует с атмосферой «нежности», тишины и довольства» [2, с. 105].

Но в эту задумчивую лирическую мелодию врываются тревожные аккорды суровой действительности: голод, пожар, болезни, изматывающий физический труд крестьян, споры вокруг актуальных общественно-политических проблем времени. И дом с мезонином; очарование связанной с ним жизни становятся ускользающим прекрасным сном, оставляя в душе и светлую грусть, и горькую радость, и томление о прекрасном, порыв к нему, и ощущение его несовместимости с существующими формами жизни, и надежду, что оно где-то рядом, и понимание, что оно далеко.

Импрессионистская размытость, поэтическая многозначность заглавий этого типа предполагают не ряд углубляющихся, но определенных значений, как в метафорах заглавий «Анна на шее», «Человек в футляре», а уходящий в бесконечную перспективу ряд усиливающихся, меняющихся впечатлений, требующих пристального внимания, переосмысления.

Обманчивое впечатление изящной легковесности, отраженное в заглавии рассказа «Дама с собачкой», снимается в ходе развития сюжета, в конце которого открывается новая художественная перспектива. Первоначальное впечатление в духе общих расхожих представлений, обещаю-

щее мимолетное курортное “похождение”, перерастает в драматическое чувство невозможности жить по привычным нормам обывательских понятий (“Он... дразнил себя с досадой: Вот тебе и дама с собачкой... Вот тебе и приключение...” – [VIII, с. 405]), затем в трагически-напряженные поиски возможности “освободиться от этих невыносимых пут”. Конец сюжета оказывается началом “самого сложного трудного”, хотя и кажется, что “еще немного – и решение будет найдено, и тогда начнется новая прекрасная жизнь” [8, с. 410].

Заглавия поздних произведений А. П. Чехова все больше пронизываются ощущением устремленности к иной, прекрасной жизни, становятся многозначнее, поднимаются до одухотворенной реалистической символики – «Чайка» (1891 г.), «Вишневый сад» (1903-1904 гг.), «Невеста» (1904 г.). В этих названиях есть окрыленность, порыв, оптимистическая эмоциональная окраска, что было отмечено уже современной Чехову критикой. «“Невеста” – это прелестный, чудно выписанный образ, который нам представляется символом глубокого значения», – писал 1904 г. А. И. Богданович. – «“Невеста” Чехова – это живой и яркий символ всего живого, протестующего, не укладывающегося в устарелые рамки серой провинциальной жизни» [3].

Символика последнего заглавия, так или иначе отмеченная многими исследователями творчества Чехова, несомненно устремлена к идее новой жизни, которая становится не ускользающей мечтой, а близкой реальностью. Невеста – девушка в ореоле чистоты и свежести, полная юных сил, стремлений, надежд (символично и само имя героини), стоящая на пороге новой жизни. Оптимистическая перспектива, утверждающая реальность и неизбежность близкого и светлого будущего, становится организующим началом повествования. Благодаря этой перспективе, обручение Нади с недалеким и нелюбимым Андреем Андреевичем, обреченность ее пошлому быту, перерастает в обручение Надежды с новой “широкой и просторной” жизнью.

Поезд, увозящий невесту из «родного угла» в далекую столицу, где явственен пульс новой жизни, в общем контексте повествования приобретает символический смысл, осязаемым становится само движение времени: из уходящего в прошлое

настоящего – в будущее. “А когда сели в вагон, и поезд тронулся, все это прошлое, такое большое и серьезное, сжалось в комочек и разворачивалось громадно, широкое будущее, которое до сих пор было так мало заметно” [8, с. 502]. Все, что прежде пугало и тяготило, стало «наивно, мелко и уходило все назад и назад», а впереди было “зеленое поле, мелькали телеграфные столбы да птицы на проволоках” – воля. Взгляд из этой вольной дали, с высоты открывшегося перед Надеждой будущего поновому оценивает все: и то, что измельчало, изжило себя, безвозвратно ушло в прошлое, и то, полное света и простора, еще не совсем ясное, полное тайн, что влечет и манит в будущее.

Итак, общую эволюцию типологии чеховских заглавий можно определить следующим образом: от заглавий локальных, носящих характер единичного, полных юмора, иронии, сарказма, – к заглавиям большей степени обобщения, нейтрального характера, затем к заглавиям, включающим образное начало и лирическую атмосферу произведения, т. е. метафорического, импрессионистского характера и, наконец, заглавиям-символам. Уже в самой эволюции характера заглавий наглядно выражается общее расширение и углубление чеховской концепции жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катаев В. Проза Чехова. Проблемы интерпретации. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1979, С. 301.
2. Чехов А. П. Собр. соч. в 12-ти т. М.: Худож. лит. 1956, т. 7, С. 105.
3. А. Б. Богданович. Критические заметки. – Мир божий, 1904, № 1.

Денисов Е. І.

ЗМІНЕННЯ У ХАРАКТЕРІ ЗАГОЛОВКІВ ТВОРІВ А.П. ЧЕХОВА ЯК ВІДБИТТЯ ЕВОЛЮЦІЇ ЙОГО ХУДОЖНЬОГО МЕТОДУ

Простежено еволюцію заголовків чеховських творів від таких, що відбивають характер поодиноких явищ до тих, які наділені узагальнюючою образністю і, нарешті, до заголовків-символів. Еволюція заголовків, з точки зору автора статті, віддзеркалює розширення та поглиблення чеховської концепції життя в цілому. (Філологічні дослідження: Чеховський збірник, вип. 12, 2014 (2012), с. 31-40).

Ключові слова: еволюція, заголовок, поетика, художній метод.

Denisov E. I.

**CHANGES IN A TITLES CHARACTER IN CHEKHOV'S
WORKS OF ART AS AN EVIDENCE OF EVOLUTION IN
HIS ARTISTIC METHOD**

The paper focuses on the evolution of Chekhov's titles from those which express a unitary phenomenon to the titles which have generalizing imagery, and finally, to the titles-symbols. According to the author's opinion the evolution of titles reflects the comprehensive deepening of the Chekhov's conception of life. (Philological researches: Collection of articles dedicated to Chekhov's works of art, ed. 12, 2014 (2012), p. 31- 40).

Keywords: *an evolution, artistic method, poetics, the title.*